

Юлия
Вознесенская

**Мои
посмертные
приключения**

Юлия Вознесенская

Мои посмертные приключения

«Лепта Книга»

2014

УДК 821.161.1-31Вознесенская Ю.
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Вознесенская Ю. Н.

Мои посмертные приключения / Ю. Н. Вознесенская — «Лепта Книга», 2014

Действие повести-притчи «Мои посмертные приключения» начинается... со смерти главной героини. Множество испытаний ожидает ее по ту сторону жизни. Что это – странствия в аду, в поисках спасения от вечных мук? Только ад уж больно похож на нашу обыденную жизнь... Может быть, не зря говорят, что смерть – это только начало, и только от нас зависит, что нас ждет впереди?

УДК 821.161.1-31Вознесенская Ю.
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юлия Вознесенская

Мои посмертные приключения

© ООО «ГрифЪ», оформление, 2014

© ООО «Издательство «Лепта Книга», текст, иллюстрации, 2014

© Вознесенская Ю.Н., 2014

© Тимошенко Ю., 2014

* * *

*Вам дано знать тайны Царствия Божия, а прочим – в притчах.
Лк. 8, 10*

Господи, благослови!

Глава 1

Мои посмертные приключения начались с того, что я упала с четвертого этажа и разбилась.

У полиции, как я потом узнала, возникло две версии – просто самоубийство и убийство, замаскированное под самоубийство. Обе версии ничего общего с действительностью не имели и даже в качестве предположительных не много стоили, поскольку строились исключительно на показаниях моих эмигрантских подруг. Версия самоубийства была проста, как женский роман, и в двух словах сводилась к тому, что меня бросил муж, а я в ответ бросилась с балкона. Если бы я в самом деле так реагировала на измены Георгия, во всем нашем многоквартирном доме не хватило бы балконов.

Вторая версия – убийство, замаскированное под самоубийство, – не подходила по той простой причине, что Георгий не годился на роль убийцы: как почти все блудники и любимцы женщин, он был, в сущности, взрослым ребенком, капризно ищущим восхищения и ласки, слабым и немного истеричным, а по существу, беспомощным и добрым. От опасностей на своем жизненном пути он уходил, препятствия обходил и никогда не доходил до крайностей.

Все было гораздо проще. Наш кот Арбуз любил ходить в туалет на природе, а таковой ему служили мои ящики с цветами, подвешенные к балконной решетке – сверху и снизу. Стоило ровно на минуту оставить балконную дверь открытой, как он тут же прокрадывался в роскошные заросли петуний и там с наслаждением гадил. И это бы еще полбеды: но, сотворив непотребство и чуя расплату, мерзкий осквернитель невинных цветочков трусливо пытался скрыть следы преступления, при этом комя земли и поруганные веточки петуний летели в разные стороны. Никакие воспитательные меры вплоть до битья по голове сложенной вчетверо «Русской мыслью» не могли излечить кота от излюбленного порока.

В то злополучное утро я несколько раз выходила на балкон, чтобы не проворонить заказанное с вечера такси, и попросту забыла в последний раз затворить за собой балконную дверь. Блудный муж подхватил дорожную сумку с заграничными подарками для своей, конечно, мне неизвестной, московской подружки и отправился к лифту, а я проводила его за дверь с привычными напутствиями: не вздумай возвращаться и не забудь перед посадкой надеть теплый свитер – в Москве по прогнозу холод и дождь. Он так же привычно бросил, что все будет хорошо, свитер он наденет и позвонит, когда его встречать. После этого я пошла в спальню, немного поревела и уснула, поскольку позади у меня была почти сплошная ночь выяснения отношений.

Разбудило меня истошное мяуканье Арбуза. Я сорвалась с постели и бросилась на балкон, откуда летели его вопли о помощи. Кот-охальник, воспользовавшись открытой дверью и тишиной в доме, в этот раз добрался до нижнего ящика, сделал там свое грязное дело, а назад выбраться не сумел: толстый живот, за который в сочетании с полосатостью он и был прозван Арбузом, не дал ему пролезть между прутьями решетки, а перелезть через верх мешали развесистые петунии. Я перегнулась через перила и ухватила кота за шкурку, а он был так перепуган, что для верности извернулся и вцепился в мою руку всеми двадцатью когтями. Я дернулась от боли и, попытавшись подхватить его другой рукой, слишком сильно перевесилась через перила: ноги мои почти оторвались от пола, а перетрусивший Арбуз, дрянь такая, в этот решительный момент не растерялся и сиганул по моим плечам и спине наверх и этим спас свою полосатую шкуру, меня же подтолкнул вниз. Я окончательно потеряла равновесие и полетела с четвертого этажа вниз головой. Спешу успокоить ревнителей благополучия домашних животных: после того, как меня на машине «Скорой помощи» с завываниями увезли в больницу, а в квартиру вломились полицейские, бедного осиротевшего котика взяла под опеку наша соседка фрау Гофман, и у нее ему было неплохо. Плохо было ее гераням.

Куст сирени, в который я, по счастью, угодила, был старый и развесистый – может быть, это слегка смягчило удар. Ведь я не разбилась всмятку, а лишь переломала половину костей и разбила голову под орех.

Когда я очнулась в палате реанимации и в зеркальном потолке над собой увидела свои бранные останки, окруженные медиками, я в который раз восхитилась успехами немецкой медицины: целая бригада врачей обрабатывала мои несчастные члены! Одни пристраивали обратно в грудную клетку выломанные ребра, торчащие из нее, как пружины из старого канapé, другие ввинчивали в рассыпавшиеся кости моих ног какие-то винтики и шпунтики, третьи копались в приоткрытом животе и что-то там сшивали, – а я наблюдала за всем происходящим в зеркале над собой и не чувствовала ни боли, ни страха – только полный и абсолютный покой.

Я взглянула на отражение своего лица, когда оно показалось между зелеными макушками склонившихся надо мной врачей: мне захотелось увидеть, насколько соответствует мой облик этому медикаментозному блаженству, – и вот тут-то все началось по-настоящему. Я увидела свое лицо, но это было лицо трупа: белое до синюшности, нос заострился, синие губы прилипли к зубам, между которыми торчала прозрачная трубка, а в ней что-то сипело и булькало. Я почувствовала к себе отвращение – меня всегда пугали лица мертвецов, а тут еще мое собственное... Но самое страшное было в том, что глаза мои были закрыты – так каким же образом я все это вижу?!

С перепугу я дернулась в сторону и... оказалась висящей между двух ламп под потолком. И в одно мгновение все перевернулось: не было надо мной никакого зеркала – это я сама была наверху и глядела оттуда на расprostертое внизу собственное тело. Я не испугалась, поскольку мысль о смерти меня еще не посетила, но испытала легкое разочарование: получается, что немецкая медицина тут ни при чем, а за избавление от боли я должна благодарить природу и какие-то собственные защитные механизмы. Ну вот, теперь все ясно: это сон, это бред, я летаю во сне. В таком случае, почему бы не полетать где-нибудь в более приятном месте? Так я подумала и тут же свое намерение осуществила, вылетев через открытую кем-то дверь в больничный коридор.

Оказавшись под потолком коридора, – почему-то меня все время тянуло вверх, – я обнаружила, что от меня через дверь реанимации тянется довольно толстый светящийся шнур. Я подумала, что нечаянно уволокла за собой какой-то шланг от реанимационной аппаратуры.

Интересно, а как я вообще-то выгляжу? Я попробовала оглядеть себя, и хотя у меня явно было зрение, причем даже более зоркое, чем наяву, и своих глаз я не ощущала, но стоило только пожелать, и я увидела себя со стороны: это была я, но только полупрозрачная, что-то вроде воздушного шарика в форме моего тела. Пришедшее на ум сравнение еще подчеркивалось этим шнуром, выходящим из середины моей грудной клетки, кстати сказать, в этом облике не имевшей ни торчащих ребер, ни каких-либо других повреждений. Напротив, я ощущала себя абсолютно здоровой и полной бодрости.

В дальнем конце коридора было большое окно, я решила слетать к нему. Парить под потолком было одно удовольствие, но дальше середины коридора улететь мне не удалось: шнур, к которому я была привязана, натянулся, и я почувствовала жгучую боль в груди, когда попыталась оторвать его от себя. Пришлось покориться и повернуть в обратную сторону.

Я пролетела мимо реанимации и завернула за угол коридора. Здесь был уголок для посетителей: журнальный столик, диван и два кресла. В одном из них сидела моя подруга Наташа и разговаривала с кем-то по мобильнику, проливая обильные слезы и жадно куря сигарету. Конечно, разговор шел обо мне:

– Врачи сказали, что надежды практически нет. Бедная Анька! Я всегда знала, что этот брак кончится катастрофой!..

– Наташка, кончай трепаться, угости лучше сигареткой! – весело крикнула я из-под потолка. Не обратив на меня ровным счетом никакого внимания, она продолжала разговор. Я опустилась пониже, помахала рукой перед ее носом, потом тронула за плечо – и моя рука прошла сквозь него, как солнечный луч сквозь воду. Очень удивившись, я оставила свои попытки и стала прислушиваться к Наташкиной болтовне.

– Ну, конечно, она лежит в реанимации и к ней никого не пускают. Она без сознания. Георгия здесь нет, никто вообще не знает, где он. Видимо, скрылся, подлец. Меня полиция нашла по ее записной книжке, я все рассказала об их семейной жизни, и теперь его разыскивают как возможного убийцу. А я считаю, что он убийца даже в том случае, если Анна сама покончила с собой, вот что я тебе скажу, моя дорогая...

Мне стало скучно и противно – и это моя лучшая подруга! Сидит тут уже пару часов, судя по количеству окурков с губной помадой в пепельнице, рыдает по мне, а все равно сплетничает. Я взяла и улетела.

Мне стало тошно. Болтаться под потолком уже наскучило, сон этот мне надоел, но я не знала, как мне из него проснуться. Небывало острое чувство одиночества охватило меня. Я решила вернуться в реанимационную палату, поближе к своему телу, и мне это без труда удалось.

В палате врачей уже не было, только за столиком в углу сидела дежурная сестра. Мое тело лежало очень спокойно, грудь равномерно поднималась и опускалась, но, поглядев на опутавшие меня провода и трубки, я поняла, что жизнь в этом теле теплится только благодаря медицинской аппаратуре. Светящийся шнур соединял меня с моим неподвижным телом внизу, и тут только до меня дошло: никакой это не сон и не бред, это все происходит на самом деле.

Мне стало ясно, что фактически я умерла, в моем теле поддерживается искусственная жизнь, а душа моя, то есть драгоценное мое Я, уже его покинуло, и только эта светящаяся нить меня с ним еще связывает. И мне стало так жаль лежащую там внизу Анну, беспомощную, обвязанную бинтами и утыканную иглами и трубками! Но помочь себе я ничем не могла, и мне снова захотелось оказаться подальше от себя, и я опять вылетела в больничный коридор, чтобы еще острее ощутить охватившее меня крошечное одиночество.

Они появились в дальнем конце коридора, там, где было окно. Сначала я слышала их голоса, очень странные голоса: это было похоже на то, как если бы группа взрослых совещалась о чем-то очень важном писклявыми детскими голосами. Я поглядела в ту сторону и увидела сначала только темные силуэты на фоне окна, невысокие, не выше метра, приземистые и горбатые. Они двинулись в мою сторону и оказались под светом коридорных ламп, и тут я их разглядела и сразу же решила: инопланетяне!¹

Верила я или не верила в НЛО до этой встречи, не знаю, скорее, просто не особенно задумывалась, но информации на эту тему в моей голове накопилось, осело порядочно, как у всякого современного читателя и телезрителя. Страха, во всяком случае, эти существа у меня не вызвали, скорее любопытство, чуть-чуть окрашенное тревогой. Если допустить, что такие встречи бывают, то почему бы однажды такому не случиться и со мной?

Обнаженные коренастые тела инопланетян были покрыты довольно неприятной на вид серо-розовой складчатой кожей, крупные головы глубоко сидели в плечах, а впереди переходили в вытянутые лица, которые точнее было бы определить словом «рыла». На первый взгляд они напоминали каких-то экзотических животных, что-то вроде помеси свиней с волками, но в больших круглых глазах, окруженных темными складками кожи и лишенных ресниц, определенно сверкал острый интеллект.

Пришельцы стояли подо мной и продолжали совещаться, что-то лопоча на своем визгливо-сиповатом языке, даже отдаленно не напоминающем ни один из слышанных мною земных языков. Речь явно шла обо мне, поскольку они не только глядели в мою сторону, но и указывали на меня верхними конечностями, похожими на детские ручки в карнавальных волчьих перчатках с когтями, довольно, надо сказать, устрашающими на вид. Почувствовав некоторое отвращение, я строго себя осадил: но-но, только без космического расизма, пожалуйста! Мне ведь неизвестно, как я сама выгляжу на их взгляд, но и на взгляд человеческий я сейчас, надо полагать, больше похожа на человекообразную медузу, чем на недурно сохранившуюся женскую особь сорока с небольшим лет.

Один из пришельцев, бывший на голову выше других, сделал шаг вперед и заговорил со мной по-русски, произнося слова механически, как робот:

– Мы пришли за тобой. Ты должна немедленно отправиться с нами.

---

¹ У о. Серафима Роуза, в книге «Душа после смерти», подробно рассматриваются посмертные опыты, в которых наши современники видели именно инопланетян, «светящихся существ» и т. д. О. Серафим объясняет, что «причина в том, что ожидает и готов увидеть умирающий. Христиане прошлых веков, которые имели живую воду <веры>, боялись ада, и чья совесть в конце концов обличала их, часто перед смертью видели бесов, <...> современные же «просвещенные» люди видят то, что согласуется с их комфортабельной жизнью и убеждениями, исключаящими страх ада и веру в бесов. В действительности сами бесы предлагают такие искушения, которые соответствуют духовному состоянию или ожиданиям умирающих». (Цит. по: о. Серафим (Роуз). Душа после смерти. СПб., 1994, с. 44.) – Здесь и далее примечания редактора.

Я молчала, не зная, что ответить. Он тоже помолчал, потом произнес без всякого выражения:

– Мы очень рады встрече с тобой. Мы полны дружелюбия.

Очень мило! Сначала приказ отправляться с ними неведомо куда, а уже потом приветствие. Я решила проявить независимость:

– Пока я не узнаю, кто вы и куда меня приглашаете, я с места не двинусь. Кроме того, я к нему привязана. Не к месту, а к моему телу.

Их реакция показалась мне несколько агрессивной: они меня поняли, но мои слова им не понравились, что и было выражено резкими повизгиваниями. Они посовещались, потом старший начал давать разъяснения:

– Мы явились за тобой с далекой планеты. Тебе пришел срок покинуть Землю. Ты не будешь об этом жалеть. Связь с телом необходимо прервать. Ты должна это сделать. Сама и сейчас. Сейчас и здесь. Сделай это, и ты полетишь с нами. Умри и освободись!

Как же, разлетелись! Даже на такое астральное самоубийство я по своей воле не пойду. Как можно разорвать связь с моим бедным, таким привычным, таким родным телом, покинуть его в страданиях, предать его, беспомощное и безгласное! Нет уж, столько терпели вместе, потерпим еще. Ну, а там видно будет...

– А кто вы, собственно говоря, такие, чтобы решать за меня, когда мне пора умирать? И что это за планета, откуда вы появились?

Глава пришельцев обрушил на меня каскад каких-то астрономических терминов, в коих я ни уха ни рыла, засыпал меня названиями, из которых я узнала только с детства застрявшую в мозгах Альфу Эридана, планету обетованную советских фантастов. Впрочем, подумалось мне, зря я иронизирую: вполне может быть, что сами обитатели Альфы внушили нашим фантастам название своей планеты.

Все эти мысли как-то очень четко, быстро, почти одновременно мелькали в моем уме, что было непривычно: я уже давно разучилась по-молодому думать о нескольких вещах сразу, не теряя при этом ясности мышления.

– Мы понимаем твои сомнения и тревогу, – продолжал между тем инопланетянин, – но ты и не должна верить словам. Сейчас ты все увидишь собственными глазами, – и он махнул когтистой лапой в сторону окна.

Больничное окно из цельного стекла сначала полыхнуло зеленым светом, потом по нему пошли волны, как по экрану испортившегося телевизора, а затем на этом окне-экране появился изумительной четкости и яркости неземной пейзаж, сначала один, потом другой, третий... Всего было много и помногу: растительность всех цветов радуги на фоне зеленого неба с голубым солнцем, фиолетовые леса и розовые океаны, какие-то летающие животные с инопланетянами на крылатых спинах, стройные и хрупкие на вид здания, больше похожие на храмы, чем на жилье. Но современного человека звездными пейзажиками не удивишь: иллюстраторы фантастики и фэнтези, киношники и «космические художники» еще и не такого понаворочали.

Картинки проплывали в окне, сменяя одна другую, а потом все остановилось на премиальном ландшафте с белой виллой на золотистом холме, с лестницей, полого спускающейся к розовому пруду, по которому вальяжно скользили какие-то изумрудные водоплавающие с коронами на изящных головках. Ну и что? Если я могу теперь бесплатно и безвизно лететь куда хочу, то полечу я, само собой разумеется, не на какую-то неизвестную планету зелеными лебедями любоваться, а в Австралию, например, или на Бермуды. Но прежде слетаю в Москву и погляжу, что там подделывает мой благоверный. Интересно, как он примет известие о моей смерти?

– Если ты отправишься с нами, ты сможешь поселиться в этом доме, – заявил инопланетянин.

– А зачем это мне? Для людей я теперь невидима и неслышима – что мешает мне поселиться хоть в Грановитой палате Кремля? Думаю, что жилищная проблема мне не грозит.

Пришельцы грозно заверещали, но старший остановил их жестом и заявил самым серьезным образом:

– Грановитая палата уже занята другими душами, из тех, которым не дано подняться в Большие Небеса.

– А зачем мне сдались ваши Большие Небеса? Меня вполне устроит моя Малая Земля.

– Это юмор. Нам он непонятен, но мы его принимаем как доказательство твоего бесстрашия. Ты нас не боишься. Это хорошо.

Зря он это сказал. Я сразу поняла, что боюсь, очень боюсь, я уже давно так никого и ничего не боялась. Но во мне заговорили прежние диссидентские инстинкты: лучший способ защититься от страха – смеяться над теми, кого боишься. Я решила быть начеку. В прошлом кагэбэшники могли разрушить в первую очередь благополучие, затем жизнь и тело, а уж в последнюю очередь разум и душу. Здесь разговор шел сразу о душе, больше-то ведь у меня ничего и не осталось...

– Там тебя ждет покой, там очень красиво!

– Звучит заманчиво. А еще что?

– У нас ты сможешь встречаться и беседовать с великими умами, с героями человеческой истории.

– Это спиритизмом, что ли, заниматься? Никогда особенно не интересовалась, знаете ли...

– У нас ты встретишь тех, кого любила на земле и кто покинул ее прежде тебя. Вспомни о них!

Это был сильный удар. Я потеряла мать и отца в последние годы, а единственный брат Алеша, мой близнец, умер еще в детстве от скарлатины. Мы с ним были очень близки, и я часто думала о том, как дружили бы мы с ним в наши зрелые годы.

Стоило мне подумать о моих дорогих умерших, как они, будто только этого и ждали, появились в кадре: они втроем вышли из дверей белой виллы и остановились на верхней площадке лестницы – мама, отец и Алеша. Как молода была моя мама – моложе, чем я сейчас! Отец выглядел чуть старше, но он и умер всего пять лет назад. А вот Алешенька был точно таким, каким мне запомнился, он даже одет был в тот самый серый школьный костюмчик, в котором мы его похоронили. Алеша бежал вниз по лестнице, призывно маша мне рукой и радостно смеясь, а мама с папой...

Вот тут-то они и прокололись. В этом трогательном кадре мать с отцом стояли наверху лестницы, ласково обнимая друг друга за плечи, и тоже улыбались любовно и приглашающе, – а вот такого быть не могло даже в ваших Больших Небесах! Дело в том, что после смерти Алеши мои старики не придумали с горя ничего лучшего, как обвинять друг друга в его смерти. Дело дошло до такой горячей ненависти, что в ней без остатка растворилась и бывшая любовь, и сама память об Алеше; при редких встречах о нем вспоминали лишь затем, чтобы побольнее уколоть друг друга. Я металась между ними, терзаемая любовью к обоим, но не смогла их помирить. Даже на свидания в лагерь, куда я попала за самиздат, они всегда приезжали порознь. Они и в эмиграцию меня провожали поодиночке: последний вечер я провела у отца, потом поехала к маме, и мы проговорили с ней почти всю ночь. Утром приехал на такси Георгий и отвез нас в аэропорт.

– Не верю я вашему рекламному ролику и никуда с вами не полечу!

– Но ты должна!

– Как я могу быть вам что-то должна, когда я до последнего часа о вашем существовании даже не подозревала?

– Все узнают о нас в свой последний час!

– А вот это еще надо проверить, действительно ли мой последний час уже наступил! – крикнула я дерзко и рванулась в единственно доступное мне убежище – в реанимационную палату, причем рванулась из всех сил.

И совершила большую глупость: мне бы следовало, улизнув от этих подозрительных инопланетян, потихоньку и плавно перебраться в палату, и тогда бы ничего не случилось. Покачалась бы я над своим бранным телом, как воздушный шарик, а там, глядишь, пришельцы убрались бы восвояси на свою Альфу, и я продолжала бы свое эфемерное существование в тихих больничных коридорах до лучших времен. Но с перепугу поспешив, я буквально вляпалась в свое распластанное тело и неожиданно оказалась в полной темноте и глухоте. Страшная, совершенно непереносимая боль схватила меня, и каждый тяжелый удар моего сердца эту боль все усиливал и усиливал. Я закричала и изо всех сил стала рваться вон из этого вместилища боли – и мне это удалось. Удалось даже слишком: от резкого рывка нить, связывающая меня с телом, оборвалась, и я пулей вылетела в тот же самый коридор, где меня как раз и поджидали инопланетяне.

Они не схватили меня сразу, а протянули ко мне свои страшные лапы, и я на расстоянии ощутила струящийся из них замораживающий холод. Этим холодом меня сковало так, что я не могла ни двинуться, ни крикнуть. А они приближались ко мне, ликуяще повизгивая и потирая свои мерзкие конечности. Вот старший протянул лапу, коснулся моей груди... И с истощенным визгом отскочил в сторону, трясая рукой. Мне стало чуть легче, и я смогла крикнуть: «Спасите! Кто-нибудь, спасите меня!»

– Никто тебя от нас не спасет! – злобно проверещал старший. – Твой мерзкий талисман все равно с тебя снимут, когда станут хоронить, и вот тогда ты будешь наша!

– Никто тебя не спасет! Никто! – закричали прочие инопланетяне.

– Ну так уж и никто! – прозвучал за моей спиной громкий и спокойный мужской голос. Я оглянулась, и радость надежды вспыхнула во мне.

Высокий господин с прекрасным лицом, появившийся неведь откуда за моей спиной, сделал несколько неспешных широких шагов и встал между мной и пришельцами. Это был не врач и не посетитель, потому что одет он был весьма странно: на ногах высокие блестящие сапоги, черно-красный плащ, а из-под него выглядывало золотое шитье какого-то средневекового костюма.

– Она звала на помощь, и я пришел помочь ей. Все – вон отсюда. Эта женщина – моя.

Пришельцы отступили к стене, подталкивая друг дружку и жалобно повизгивая.

– Я сказал – вон.

Он не сделал ни одного движения и даже не повысил голоса, но такая властность звучала в нем, что мерзкие твари вдруг с визгом сцепились в клубок, который покатился к окну, подпрыгнул, просочился сквозь стекло и растаял в сером пасмурном небе. Сковавшие меня холод и ужас исчезли без следа.

– Погляди мне в глаза, дитя мое, – ласково произнес прекрасный незнакомец. Глаза его сияли мудростью и пониманием, а еще в них светилась нежность, в них хотелось глядеть и глядеть.

– Они очень напугали тебя? – тихо спросил он.

– Да. Они хотели заманить меня на какую-то чужую планету, где меня будто бы ждали мои умершие родные. Они мне их даже показали, но это был обман!

– Конечно, обман, фальшивка, – подтвердил прекрасный незнакомец. – Они большие мастера обманывать. Ты догадываешься, кто я такой?

– Я вижу, что вы добры ко мне, но кто вы, я не знаю. Мне так страшно, так одиноко, вся эта ситуация, в которую я попала, так странна и непонятна, – не оставляйте меня одну, пожалуйста!

– Я не оставлю, – кивнул он. – А ты догадываешься, что с тобой произошло?

– Да, я понимаю, что умерла. Но мое тело лежит там, на столе, – я махнула прозрачной рукой в сторону реанимации, – а вот я почему-то здесь, и что мне делать дальше, я не знаю.

– Все это совсем не так страшно, как кажется поначалу. Ты уже поняла, что смерти нет. Ты выбралась из гнилой человеческой оболочки...

– Но почему же «гнилой»? Я не такая уж старуха...

– Со мной не спорят, детка. Ты, повторяю, оставила свою непрочную, насквозь больную, а теперь еще и механически поврежденную плоть, чтобы присоединиться к совершенному миру духов. Теперь перед тобой открываются возможности, о которых ты при жизни даже не подзревала. Глупые поповские сказки о Рае не передают и тени великолепия тех миров, которые ты увидишь. Мы отправимся в мое царство, прекрасное, беззаботное, сверкающее весельем. Там ты познаешь радости и наслаждения, недоступные телесным тварям. Мое царство я щедро делю со всяким, кто любит меня и кого я люблю. Но не каждого я беру к себе, а только избранных мною.

– Так я...

– Да. С самого твоего рождения ты отмечена мной. Я с любовью и тревогой следил за твоим развитием, заботился о тебе, хотя ты этого не могла заметить. Это я помог тебе взрастить самые прекрасные твои качества – гордость и чувство собственного достоинства, независимость суждений и непризнание авторитетов. Я любовался тем, как смело ты ломала любые рамки, если тебе навязывали их со стороны, я подталкивал тебя к свершению самых смелых твоих поступков. Это я не дал тебе закиснуть в тепле обывательского болота; это я спасал тебя, когда твоей душе угрожала опасность поддаться той Силе, которая сломила и смирила не одну гордую человеческую душу.

– Вы говорите о советском тоталитарном режиме?

– Нет, я говорю о космическом тоталитаризме. К счастью, ты избежала его пагубного воздействия, и значит, ты – моя! Ты одна из многих и многих миллионов моих любимых дочерей, вас много, но я всех вас люблю одинаково.

– Так кто же вы, скажите наконец! Как вас зовут?

– Ты можешь звать меня просто «отцом».

– Отцом...

– Да. Дай мне руку. Пойдем со мной, и ты никогда больше не испытаешь одиночества. У тебя будет множество братьев и сестер, сильных, независимых, гордых. Большинство живших на Земле обитают ныне в подвластных мне сферах. Ну, теперь-то ты догадалась, кто я, дитя мое?

Тут меня осенило, и я воскликнула радостно:

– Знаю! Вы – Иисус Христос!

Прекрасное лицо перекошилось, он отшатнулся, как от удара, поднял руку с краем плаща и закрылся им. Мне стало неловко – я поняла, что сказала совсем не то, чего он ждал от меня. А еще я испугалась, что сейчас он уйдет, и я останусь одна. Но он помолчал немного, а потом вновь открыл лицо и сказал с мягкой укоризной:

– Никогда больше не произноси при мне этого имени. Конечно, я не тот смешной персонаж устаревших церковных легенд. Я – единственный настоящий Властелин человеческого мира, так было и есть с самого появления человека на Земле. Но я еще и будущий властелин ВСЕГО мира! Уже сейчас мне принадлежат самые прекрасные его уголки, а скоро будет принадлежать все!

Теперь он говорил со страстью почти театральной, и это меня слегка насторожило: я никогда не любила патетики при жизни, но оказалось, что я плохо переношу ее и после смерти. Облик моего прекрасного незнакомца стал отдавать каким-то театральным нафталином. Ну да, он избавил меня от лукавых инопланетян, за это спасибо ему. Но сам-то он не из их ли

числа? С чего бы это они так беспрекословно ему подчинились, прямо как шестерки пахану? Совсем они меня запутали, Господи помилуй...

Он вздрогнул. Как-то растерянно умолк. Потом встрепенулся и продолжал с тем же пафосом:

– Так дай же мне руку, дитя мое, и пойдем в мой широкий и открытый мир! Только прежде сними с себя этот металл, который ты зачем-то носила при жизни, впрочем, не придавая этому особого значения, – и это хорошо. Но тень его осталась на твоей душе. Сними его!

– Как же я могу это сделать, ведь на мне только тень моего крестика, а сам он остался на моем теле там, в палате...

– Ну, это делается очень просто, достаточно сказать: «Я отрекаюсь от своего креста и снимаю его с себя», – и он, уставившись на меня гипнотизирующим взглядом, ждал, когда я последую его приказу. Он ведь не знал, что этот крестик для меня вовсе не талисман и не модное украшение...

Маленький золотой крестик мне подарила мама, провожая меня в эмиграцию. Она надела его на меня со словами: «Этот крестик достался мне от твоего дедушки, я носила его в детстве, когда еще верила в Бога. Потом он лежал в шкатулке с украшениями, а когда ты маленькая тяжело заболела и врачи от тебя отказались, верующая соседка предложила снес ти тебя в церковь и окрестить. Тогда я вспомнила про него, нашла и отдала ей: с ним тебя и окрестили. Так что крестик это не простой, носи его в память о дедушке, которого ты не помнишь, и обо мне. Кто его знает, может, он и убережет тебя на чужбине, ведь когда-то он помог тебе – после крещения ты сразу пошла на поправку». Я носила его не снимая.

Я медлила, прижав руку к груди.

– Ну же, снимай скорей! – теперь в его голосе звучало едва сдерживаемое раздражение.

– Не делай этого, Анечка! – прозвучал рядом другой голос, такой знакомый и родной, но так давно не слышанный.

– Мама!

Передо мной стояла моя покойная мать. Она была такая же мутновато-прозрачная, как и я, может быть, немного плотнее на вид. Она умерла без меня, меня не пустили на родину ни ухаживать за тяжело больной матерью, ни похоронить ее, и только сейчас я увидела, до какой худобы и измождения изгрыз ее рак.

– Молчать! Вон отсюда! – безобразным от ярости голосом завопил прекрасный незнакомец, только прекрасного в нем сейчас осталось немного: его лицо вдруг стало серым и морщинистым, стройная фигура сторбилась и как-то искривилась, даже роскошный плащ казался теперь мятой и полинялой тряпкой, оставшейся с давно забытого карнавала.

Я бросилась к матери и обняла ее. Прикосновение к ее воздушному телу было вполне ощутимо и приятно, как будто трогаешь сильную струю теплого воздуха. Конечно, гнев незнакомца напугал меня, но мама – это было важнее! Мелькнула мысль: может быть, мы теперь сможем снова быть вместе и уже никогда не разлучаться?

– Мамочка, знаешь, я ведь тоже умерла!

– Да, доченька, я знаю. Мы с твоим дедушкой пришли тебя встретить.

Из-за спины мамы появился высокий молодой человек с бородкой и длинными волосами, в священнической одежде. Я никогда не видела его при жизни, а фотографий деда почему-то в семье не сохранилось, но я поняла, что это действительно мой дед, по его сходству с мамой: у него был тонкий нос с нашей фамильной горбинкой, светло-русые волосы и синие глаза, какие были у мамы в молодости.

– Здравствуй, внучка, – кивнул он. – Ты поступила правильно, что не отрелась от креста: если бы ты это сделала, мы уже не смогли бы тебе помочь. Теперь молись Господу, чтобы он спас тебя от Сатаны, бей Сатану Христовым Именем: старый лжец явился, чтобы увлечь тебя за собой и погубить твою душу.

– Что есть ложь? – пожал плечами уже оправившийся незнакомец. – Ад, Сатана? Кто теперь верит в эти сказки? Понятно, что в мире существует Зло, но не до такой же степени оно персонифицировано!

Тот, в чьем существовании я усомнилась, будто подслушал мои мысли:

– Ты права, сокровище мое, ну кто теперь верит в Сатану с хвостом и рогами? Только болваны вроде твоего деда, пошедшего даже на дурацкую, карикатурную смерть за свои заблуждения. Я не Сатана, я – Демиург, творец и покровитель людей.

– Врешь, богохульник! – воскликнул мой молодой дед, и в его голосе прозвучала сила. – Людей сотворил не ты, ты лишь искажил Божие творение. А внучку мою я пытаюсь спасти как раз своей крестной смертью, именно мученичество дает мне право дерзновенно молиться о ней у самого Божьего Престола.

– Не верь этому ханже и мракобесу, Анна! Разве от меня надо спасаться? Неужели ты не поняла, как я тебя люблю и как ты дорога мне?

– Любишь ты ее, как волк овечку! Молись Господу, Анечка, прямо сейчас молись. Господь милостив.

– Я не умею молиться, дедушка.

– Один раз ты воззвала к Нему: «Господи, помилуй!» – и это помогло тебе стряхнуть с себя чары Сатаны.

Сатана издевательски захохотал:

– Заврался, святоша! Современный человек давно превратил вашу молитву в простую присказку, эти слова ничего не значили как для Анны, так и для Того, к Кому будто бы были обращены.

– Снова ложь! Господь слышит даже случайную молитву, потому что Он знает: ничего случайного из человеческой души не исходит. Анна – христианка и в минуту опасности поступила по-христиански, призвав Бога на помощь.

– Она – христианка?! Чушь какая...

– Да, плохая, грешная, но все равно христианка. Я сам присутствовал при ее крещении во имя Отца и Сына и Святого Духа.

– И это меня называют отцом лжи, когда у тебя, святоша, что ни слово – то и вранье! Как ты мог быть при крещении своей внучки, если твоя дочь была девчонкой, когда ты так неосторожно и глупо ввязался в спор с пьяными матросиками?

– Я присутствовал при крещении младенцев Анны и Алексея незримо. Крестивший их священник был пастырь недостойный и ленивый, он боязливо спешил, исполняя таинство, но благодать Божия незримо восполняла его.

Он пропустил момент отречения от Сатаны, а я, и ты это помнишь, лукавый, сам провел акт отречения от тебя с крещающимися младенцами Алексеем и Анной. Это было в среду на Страстной неделе, в пятьдесят пятом году.

– Да-да, Анечку и Алешу крестили в это время, значит, это все так и было! – воскликнула мама, крепче обнимая меня.

– И крестить их додумалась чужая бабка из чистого суеверия – чтобы дитя не преставилось! – не сдавался Сатана. – А ее братца так и вовсе прихватили за компанию. – Он все больше кривлялся и становился все безобразней; уже совсем исчез сверкающий костюм оперного Мефистофеля, и вместо него висели черные лохмотья, сквозь которые виднелась кожа цвета мокрого асфальта; из кончиков пальцев, раздирая кожу красных перчаток, проросли черные когти.

– А вот насчет того священника ты правду сказал: он вскоре отказался от сана и верно служил мне до самой своей смерти. Ну и после смерти, само собой, попал ко мне. Так что крещение ее вряд ли действительно.

– Всякое крещение действительно, если совершено по правилам, независимо от достоинства или недостойнства крестившего.

– У меня на этот счет свое мнение, и я остаюсь при нем! Я не признаю ее крещения!

– Так что же ты боишься ее крестильного крестика?

– Боюсь? Мне просто противно, когда люди, всю жизнь прожившие по моей подсказке, – ведь эти тварюшки всегда подчиняются либо мне, либо твоему Хозяину, а сами не способны даже согрешить самостоятельно – противно, когда они вдруг бездумно обвешиваются вашими бирюльками, носят сами не зная что.

– Бирюльки, говоришь? А вот проверим! – дедушка обеими руками взялся за висящий у него на груди крест и поднял его над головой со словами:

– Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!..

Сатану затрясло, заколотило, отшвырнуло в конец коридора, в сторону окна. Корчась на полу и содрогаясь, он прохрипел:

– Будь ты трижды проклят, жалкий святоша! Анна, предательница! Мы еще с тобой встретимся, ты никуда от меня не спрячешься! – и с этими словами он исчез.

Я опустила в бессилии на пол. Мама склонилась надо мной и погладила по голове:

– Прости меня, доченька, это я во всем виновата: не водила тебя в церковь, не учила ни молитвам, ни заповедям Господним.

– И сама не ходила, и сама не молилась! – строго сказал дедушка.

– Да, если бы не ты, мучаться бы мне в аду. Я ведь и перед смертью не захотела покаяться, и не отпевали меня по-христиански. Если бы не твое мученичество, отец...

– Папа, – поправил ее дед. – Тебе я в первую очередь просто папа, а уж потом и сан, и мученичество мое.

– Мама, дедушка! О каком мученичестве вы говорите? Разве ты, дед, не умер от голода в Гражданскую войну? – спросила я.

– Анна! Как ты разговариваешь со своим дедом... то есть с дедушкой? Ты что, забыла мое отчество?

– Почему? Я помню – Евгеньевна. Но как-то неудобно называть дедушкой молодого человека, почти вдвое младше меня, а Дед – это звучит вполне даже современно. Можно вас так звать?

– Зови как зовется!

– Имя твоего дедушки – отец Евгений, вот так изволь к нему и обращаться!

Как давно я не слышала маминых нотаций, как по ним соскучилась! А мама продолжала тем же строгим тоном:

– Твой дедушка – святой. Его распяли на церковных Царских вратах большевики-матросы, это было в девятнадцатом году. Он пытался помешать им ворваться в алтарь во время литургии. Они подняли его на штыки и приколотили к вратам, издеваясь: «Виси, как твой Христос висел!» – и не давали никому подойти, пока он не умер. Он висел так до самого вечера, молясь за распинателей, а прихожане стояли вокруг, плакали, но ничем не могли ему помочь.

– Почему же ты раньше не рассказала мне об этом, мама!

– Сначала боялась, а потом... Ты сама помнишь, как мы жили, – без Бога, без Церкви. Я ведь стыдилась своего отца! Сейчас-то я понимаю, что виновата не столько даже перед тобой, папа, сколько перед Алешей и Аней.

– Мама, а где теперь Алеша?

– Вместе с дедушкой.

– Ты с ним виделась?

– Да, но очень недолго, а теперь уже, наверно, до самого Страшного Суда больше не увижусь...

– Скажи, ему там хорошо?

– Очень хорошо. Так хорошо, что я и сказать не могу. Оказывается, доченька, когда Алеша был уже совсем плох, Дарья Ивановна, соседка наша, позвала к нему тайком священника, он Алешеньку исповедал и причастил. Ты в это время была в школе, а мы с папой на работе. И вот теперь Алешенька наш в Раю!

– А ты, мама?

– По дедушкиным молитвам и великой милости Божией я нахожусь в спокойном месте, над которым у Сатаны нет власти и где можно молиться Господу². Но как хочется походить по травке, услышать птичку! Ничего этого там нет, только камень и камень... Папа, пока еще есть время, научи Аню самым важным молитвам!

– Поздно, Машенька. Ты-то их знала с младенчества, в детстве без молитвы не вставала и не ложилась и за стол не садилась. Вот в нужный момент они и вспомнились.

– Ну, хоть благослови иерейским благословением!

Дедушка подошел ко мне совсем близко и перекрестил меня.

– Поцелуй благословившую тебя руку, – сказала мама. Я не поняла, зачем это надо делать, но послушно поцеловала Дедову руку, будто отлитую из упругого света.

– Видишь, мама, как я послушна в церковном воспитании, можно отдавать в воскресную школу! – засмеялась я.

– Чему это ты радуешься? – спросил Дед. – Не рано ли пташечка запела?

– Сама не знаю. Мне так легко и свободно без своего привычного тела, вы с мамой появились, вот и про Алешу я такие хорошие новости слышала. А с вами-то мне как хорошо! Я даже про эти ужасные встречи забыла.

– Ты еще кого-нибудь успела встретить, кроме Сатаны? – встревожился Дед.

– Да, тут еще какие-то поддельные инопланетяне зазывали меня слетать на Альфу Эридана.

– Господи, спаси и помилуй! – воскликнула мама.

– Ну-ка, расскажи! – потребовал Дед.

Я рассказала.

– Это были бесы, – сказал Дед. – Современных людей они дурачат современными методами. Но они все равно отвели бы тебя к Сатане.

– Дед! А почему это мне такая честь, что он сам за мной явился?

– За мученичество мне дана от Бога благодать ходатайствовать перед Ним за моих потомков до конца времен, вот Сатана и хлопочет: ему обидно, что столько людей могут спастись без особых подвигов.

– А разве я не последний твой потомок? У меня ведь детей не было, и сама я умерла.

– Есть и будут у меня потомки, успокойся.

– И все они спасутся?

---

² Речь идет о пребывании души после смерти и частного суда в аду. Необходимо отметить, что по Преданию и учению Православной Церкви загробная жизнь, блаженная или в мучениях, зависит от нашей земной жизни. Души христиан, чья жизнь не принесла плодов истинного покаяния, помещаются в ад, где их мучения могут быть облегчены или прощены по молитвам святых, оставшихся живых близких, по молитвам Церкви. «В ад же временно поступают и те души христиан, впадших в смертные грехи, которые принесли покаяние, не отчаялись в своем спасении, но не успели принести плодов покаяния. В ад поступают и грешники, которых участь на частном суде окончательно не решена. Заключенные здесь души пребывают временно» до Страшного Суда, где состоится окончательный суд и определение участи всех людей. (Цит. по: монах Митрофан. *Как живут наши умершие и как будем жить и мы по смерти*. М., 2000, с. 332.) Мучения осужденных душ отличаются от тех, чья участь не определена. Внутреннее, духовное мучение душ состояния нерешенного растворяется надеждою на Бога, Который не хочет смерти и гибели грешных; эти души признают и в аду себя невинными и перед именем Иисуса Христа наравне со всеми жителями Рая преклоняют свои колена, и тем самым все более и более принимают в себя врачующую немощствующее и восполняющую недостающее благодать. Поэтому нельзя сказать, что души состояния нерешенного удалены совершенно от Бога, как удалены от Него осужденные за неверие. Души, низверженные в ад за открытую хулу на Бога как неверные, не исповедают Господа Иисуса Христа как Спасителя и Бога Истинного.

– Если сами будут к этому стремиться. Против воли человека Бог не может его спасти. Ах, дурочки вы мои милые, если бы вы жили хоть слабенькой христианской жизнью, как бы мне легко было вас прямиком в Рай проводить! А теперь нужны не только мои молитвы, но и всей Церкви на земле и на Небе, и всех ее святых.

– А разве ты не можешь устроить так, чтобы за нас с мамой вся Церковь молилась?

– Ты думаешь, это просто? Подумай сама, а кто из ваших родственников и друзей будет за вас молиться? Вас окружали на земле такие же равнодушные к вере люди, как и вы сами.

– Я очень надеялась, что ты придешь к вере, – грустно сказала мне мама.

– Если бы я знала!

– Знание и вера – разные вещи. Но не унывайте: есть еще молитвы всей Церкви о всех прежде усопших христианах, в том числе и о заблудших, и об умерших без покаяния и лишенных христианского погребения. Вот на них и будем уповать, да еще на великое Божие милосердие.

– И что же теперь меня ждет?

– Это все все в руках Божиих. Но поверь, что за тебя я буду просить Его до дерзновения. Да и Ангел Хранитель твой обещал не отступить от тебя перед Богом, хоть и грешна ты перед своим Ангелом. А что это он медлит? Как бы опять бесы не набежали.

– Я уже давно стою здесь и слушаю, – раздался звучный и очень мелодичный голос. Я оглянулась. Неподалеку от нас стояло светящееся существо, с ног до головы окутанное покровом, будто сотканным из светлых огненных струй.

– Вот и он, твой Ангел Хранитель! – обрадовался Дед.

Покров распахнулся и превратился не то в огненные крылья, не то в два потока сверкающих лучей, падавших от плеч Ангела к его ногам. Его лучезарное лицо было прекрасно и серьезно, и не было в нем ни капли той опереточной, подчеркнута земной красоты, которой меня, как последнюю дурочку, очаровал поначалу Сатана. Тот хотел нравиться, старался нравиться, и это ему удавалось. Ангел был красив совершенной, но безмерно далекой от земных канонов красотой. К ней не подходили такие понятия, как шарм, обаяние или очарование. В нем не было даже явно выраженной принадлежности к мужскому или женскому полу: больше юноша, чем девушка, он был так идеально чист, что и любоваться его красотой было бы непристойно. От него исходили сила, спокойствие и любовь старшего к младшим, то есть ко мне и к маме. А вот к Деду, и я это заметила сразу, Ангел относился с величайшим почтением, как к старшему. Так вот что значит – святой! По их небесному чину, выходит, он главнее ангелов. И это мой родственник, как-никак... Приятно! Как и следует старшему, Дед представил мне Ангела:

– Вот твой Ангел Хранитель, который был тебе дан от святого крещения и незримо сопровождал тебя всю твою жизнь.

– Это так, – серьезно подтвердил Ангел. Он даже не улыбнулся мне, а ведь у него должна была быть чудесная улыбка. Обидно!

– Вы – мой Ангел Хранитель? Так почему же в моей жизни было так много несчастий, бед и ошибок? Простите, но я совсем не помню, чтобы кто-то, пусть даже незримо, остерегал меня от них.

– Я много раз пытался говорить с тобой, но ты меня не слышала. Иногда мне удавалось помочь тебе через других людей, через ангелов и даже через стихии. Но против твоей сознательной воли я не мог на тебя воздействовать.

– Почему нет, если это было для моей пользы?..

– Потому что свобода воли человеку дана Божиим произволением, и ангел не может преступать ее пределы.

– А еще твои грехи заставляли его держаться на расстоянии, – добавил Дед. – и все это, увы, не осталось без последствий. Вскоре ты поймешь и оценишь сущность прожитой тобой

жизни, и тогда ты сама найдешь ответы на многие вопросы, которые, я вижу, из тебя так и просятся наружу. А сейчас нам надо спешить.

– Похоже, я сегодня в моде: меня то и дело куда-нибудь срочно и настоятельно приглашают. Куда на этот раз?

– На поклонение Господу, – сказал Ангел Хранитель своим звучным голосом.

Я тут же прикусила язык. Хорошо это или плохо, я не знала, но что это очень важно – догадалась.

Дальше обстановку принялся разъяснять Дед:

– Мы должны пронести тебя сквозь земную атмосферу, которая кишмя кишит бесами. Надеюсь, что нам это удастся с Божией помощью. А теперь прощайся с матерью. Мы подождем тебя.

Дед с Ангелом Хранителем отошли в сторону и стали о чем-то разговаривать, а мы с мамой крепко обнялись.

– Мамочка, ты никак не можешь отправиться с нами? Мне так не хочется с тобой расставаться!

– Мне тоже, доченька моя...

– Мы больше не увидимся, мама?

– Увидимся, если ты окажешься там же, где и я.

– Я постараюсь, мама!

– Глупышка... Передай мой поцелуй Алешеньке, если увидишь его.

Мама в последний раз обняла меня, опустила руки, отошла, не спуская с меня глаз, а потом исчезла.

Глава 2

– Путь через мытарства³ труден и опасен, – сказал Ангел Хранитель, – ты должна полностью довериться нам, чтобы не попасть в беду.

Я охотно это обещала. Дед с Ангелом подхватили меня под руки, и мы начали стремительно подниматься. За несколько мгновений промелькнули палаты больницы, которые мы пролетели насквозь; никто из больных нас не заметил. Мы прошли сквозь крышу больницы и взмыли над ней, поднялись над зеленым больничным парком, потом я увидела Мюнхен с высоты полета птичьего, а после – самолетного, а затем мы вошли в облака, потому что день был пасмурный.

Мы долго в молчании летели сквозь сияющую облачную пустоту. Когда я захотела о чем-то спросить Деда, он остановил меня:

– Тихо! Здесь кругом бесы, это их стихия. Мытарств не миновать, но не стоит привлекать бесовское внимание прежде времени.

Я замолчала.

Туман впереди вдруг сгустился и потемнел. Я подумала, что мы летим на грозовое облако, и почему-то вспомнила, как опасна встреча с грозой для самолетов. Хранитель сжал мне руку и через мою голову сказал Деду:

– Это они! Готовься!

Темное облако стремительно надвигалось, и вскоре нас окутал тяжелый и смрадный смог. В этой полутьме роились мерзкие полупрозрачные существа, состоявшие как бы из плотной вонючей слизи; одни из них были похожи на давешних «инопланетян», другие на гигантских летучих мышей, и вся эта нечисть крутилась-вертелась вокруг нас, взлетая и стремительно ныряя вниз, угрожающе рыча и визжа; этот хаотичный полет сопровождался грохотом не то грома, не то каких-то барабанов. Шум стоял несусветный, похлеще, чем на дискотеке, и сквозь этот грохот можно было расслышать: «Наша! Эта душа наша! Давайте ее сюда!»

– Придется остановиться, – сказал Хранитель. – Говори с ними ты, святой! А ты, Анна, внимательно слушай, но в разговор не вступай.

Мы остановились в воздухе. Хранитель накрыл меня своим крылом, стало не так страшно.

– Что предъявляете вы этой душе, слуги дьявола? – спросил Дед.

Из роя бесов выдвинулся один, чем-то отдаленно напоминающий номенклатурного чиновника: в руках бес держал раскрытую папку и перебирал в ней какие-то бумаги.

– Вот тут все зафиксировано: празднословие, брань, грязные слова, богохульство и прочие словесные грехи, – проскрипев это, он захлопнул папку и потряс ею над уродливой башкой.

– Не все сразу, – остановил его Дед. – Если ты явился обвинять, то предъявляй обвинения по одному.

– Нет, сразу! Все сразу! – закричали кругом бесы. – Чего тут тратить время, и так все ясно! Некогда нам, пачками отправляем в ад этих болтунов, хватать не успеваем – стаями летят. Отдавайте ее нам, и дело с концом!

---

³ В Предании Православной Церкви особое место занимает учение о так называемых мытарствах, которое наиболее подробно излагается у свт. Кирилла Александрийского в «Слове о исходе души» и в «Повествовании о воздушных мытарствах» блж. Феодоры, которое содержится в житии Василия Нового, в «Слове о смерти» свт. Игнатия (Брянчанинова). Прохождение через воздушные мытарства считается ступенью частного суда, посредством которого решается участь души до Страшного Суда. Предание сообщает нам учение о мытарствах в различных образах, но существенно то, что есть в действительности истязание бесами, которые предъявляют душе ее грехи и пытаются вырвать ее у ангелов; и все это происходит в воздухе над нами, и может быть увидено теми, чьи духовные очи открыты. (Об этом см. также: *Митрополит Макарий (Булгаков)*. Православнодогматическое богословие в 2 тт. СПб, 1895.; *Иерей Олег Давыденков*. Догматическое богословие. Курс лекций. М., 1997.)

– Обвинения – по одному! – упрямо потребовал Дед.

– Ладно! Ей же хуже!

Бес-чиновник снова раскрыл свою папку и начал бубнить все глупости, ругательства, неприличные анекдоты, какие я произносила в своей жизни, причем начал с детской брани типа «дурак», «зараза», дразнилок вроде «Колька-дурак курит табак» и подобной чепухи. Я догадалась, что у них тут всякое лыко в строку.

Вдруг из толпы бесов выдвинулся еще один, голый, но в пионерском галстуке, и запищал:

– Пионеры – юные безбожники! «Летчик по небу летал, нигде Бога не видал!» Она богохульствовала с детства – подавайте ее сюда!

Я, конечно, была в пионерах, как и все наше поколение, но слов этих никогда не произносила. Я дернула Деда за руку, и он понял, в чем дело.

– Подожди-ка, когда она это говорила?

Бес-чиновник засуетился, завозился в бумагах:

– Сейчас, сейчас... У меня все записано, минуточку... Не это... Не то... Ну, ладно, сама она, предположим, этих слов не произносила, но слушала их на пионерских собраниях и не возражала. Возражала или нет? То-то. Преступление через соучастие, как говорится в их уголовном кодексе.

– Оставим человеческие законы, мы не на Земле. Ты лучше скажи, бес, разве вы уже не предъявляли эти обвинения тем, кто совращал атеистическим мракобесием невинные детские души? Уверен, что за этот вздор уже ответили ее несчастные воспитатели.

– Допустим. Но мы не станем мелочиться, у нас найдутся и другие материалы на ту же тему. Не надо лукавить: ведь это не мы, а вы считаете богохульство тягчайшим грехом, мы только следуем традициям мытарств. Самим-то нам, конечно, только приятно слышать эту милую детскую непосредственность. Устами младенцев, как говорится, гм...

– А я доподлинно знаю, что никаких особенных духовных грехов за ней нет. Все, в чем вы ее обвиняете, – это плохое воспитание, а не испорченность души, многое она болтала неосознанно – просто болтала. Зато мне известно, как и вам, что за правдивое и честное слово она, став взрослой, заплатила своей свободой, – и вот это уже было абсолютно сознательно!

– Знаю, знаю, слышали мы про это их инакомыслие, болтовня одна! Да, вот, кстати, о болтовне. Виновна в празднословии, суесловии и пустословии. В одних только телефонных пустых разговорах с подружками проведено четыре года, одиннадцать месяцев, пять дней, шесть часов и тридцать шесть минут. У нас счет точный, как в банке!

– И не стыдно? – вмешался мой Ангел. – Сами же вы, будучи лишены возможности получать энергию от Бога, подключаетесь нахально к телефонным проводам и сосете по ним энергию из болтунов!

Но бесы, похоже, его не слушали. На нас обрушился новый поток брани, сальных анекдотов, жаргонных словечек из интеллигентского обихода. Дед не успевал и слова вставить. Вдруг листы с обвинениями вылетели из бесовской папки и устремились ко мне, будто карты, пущенные фокусником из колоды. Я закрыла лицо руками, но Дед поднял свой крест и крикнул:

– Крестом Спасителя да испепелятся все ее словесные грехи!

В воздухе запахло горелой бумагой и шерстью, листки с обвинениями рассыпались пеплом, а бес с визгом отбросил от себя горящую папку и начал дуть на обожженные лапы.

– Прочь! – грозно произнес Ангел, и вся бесовская свора шарахнулась в разные стороны, освобождая нам дорогу. Мы вылетели из вонючего облака и понеслись сквозь редющий туман в чистое небо.

– Мы, кажется, прорвались? – спросила я.

– Сквозь это мытарство – да. Но впереди достаточно других, – сказал Дед. – Поэтому будь осторожна и помни: НЕ БОЯТЬСЯ, НЕ ВСТУПАТЬ В СПОРЫ и МОЛИТЬСЯ!

И вновь продолжался полет в тишине, полной тревоги. Я не знаю, на какой мы были высоте, но мимо нас не пролетали птицы, я не видела и не слышала ни одного самолета. Мне пришло на ум, что пересекаемое нами пространство находится не в атмосфере или стратосфере, а в каком-то другом измерении. Иногда мне казалось, что мы висим в синеве неподвижно, я не чувствовала сопротивления воздуха, и только редкие клочья неприятного тумана проносились мимо нас, да шумели чуть слышно огненные крылья, струясь за плечами Ангела.

И тогда становилось ясно, что мы летим с немыслимой скоростью.

Вскоре снова показались бесы, но в этот раз они вели себя не так нагло и шумно. Опять один из них оказался перед нами и начал предъявлять мне обвинения во лжи:

– Она лгала по ничтожным поводам, но зато постоянно! Лгала матери, что у нее все в порядке, когда та беспокоилась о ней, а сама ждала ареста... Ее и судили «за клеветнические измышления»! Впрочем, это мы пропустим... Она лгала подругам, что счастлива с мужем и он ей верен.

Подобных обвинений у него было множество, но он перечислял их скороговоркой, не требуя ответа и опасливо косясь на крест в руках Деда. Мы ему не отвечали и продолжали движение, а он летел сбоку, суетился и выкрикивал что-то уж вовсе несуразное:

– Она стишки писала, а мысль изреченная есть ложь! И вообще – всяк человек ложь есть!

Почти совсем отстав, он выкрикнул:

– Она не любила лгать из гордости! Вот поглядим, как она за гордыню свою ответит!

Потом, когда этот бес отстал окончательно, появился другой, совсем ничтоженький на вид и вовсе даже не страшный, и заверещал поганым голосом:

– Сплетница, сплетница! Все женщины сплетницы! Сколько раз при ней перемывались косточки ее подруг? Пусть ответит!

Ангел, не прерывая полета, бросил через огненное плечо:

– Отстань, адская козьявка! Ты сам знаешь, сколько раз по ее слову прекращались сплетни и как часто она говорила о людях только хорошее, если при ней их осуждали. Ты хочешь, чтобы мы сочлись?

– Нет, нет! Скатертью небеса, убирайтесь и уносите ее прочь! Только учтите, что она это делала не по вашему ханжескому учению, а по своей гордыне.

И мы отправились дальше.

Через некоторое время Хранитель предупредил:

– Впереди мытарство чревоугодия.

– Вот уж в чем не грешна!

Хранитель заглянул под крыло, и я умолкла, встретив его серьезный предостерегающий взгляд.

Нас воющей толпой окружили бесы, похожие на раскормленных свиноматок, но среди них попадались и тощие экземпляры: худобой они напоминали дворовых кошек эпохи ранней перестройки, но зато у некоторых на тощих шеях были повязаны крахмальные белые салфетки, а в лапах они держали ножи и вилки. Почти все они, и тощие и толстые, непрерывно что-то жевали, пуская слюни и роняя из пасти куски пищи.

– Стоп, приехали! – объявил важный толстый бес и раскинул лапы, загораживая дорогу. – Эта душа не обжиралась и не гурманствовала. По глупости и по бедности, надо полагать. Но она и не постилась ни одного дня в своей жизни!

Вот это да! Христианские посты... А ведь крыть и в самом деле нечем.

Но проблема разрешилась самым неожиданным образом.

– Не постилась, говоришь? А кто просидел три года на тюремной и лагерной баланде? Кто отдавал свою пайку голодным сокамерникам на этапе? А выйдя на свободу после лагеря, не она ли держала голодовки протеста в защиту других узников совести, в том числе арестованных за веру? Сколько христианских постов уложится в это стояние за правду? Ну-ка?

Ух ты! Молодец мой Дед, мне бы все это и в голову не пришло.

– Не считается, не считается! – разочарованно загнусили бесы, но Дед крестом размел их толпу, как ледокол разламывает и разгоняет слабый лед. Мы двинулись дальше.

Три лагерных года выручили меня и на следующем мытарстве – лени. Как тут все неожиданно оборачивается: я-то считала, что лень вперед меня родилась. Каким бы любимым или важным делом я ни занималась, я всегда была готова оставить его при первой возможности и улечься на диване с очередной книжкой. Но все это было погребено под горой цемента, которую я перебросала в лагере совковой лопатой (это фасон лопаты, а вовсе не принадлежность ее к советскому строю). Вот уж не ожидала!..

Однако лагерь здорово подвел меня на следующем мытарстве – воровства. Бесы буквально закидали меня морковкой, картошкой и луком: это были краденые овощи, которые я выменивала на махорку у наших эзек, работавших в овощехранилище. Скупка краденого! От этого отбились, напомнив про голод и авитаминоз, последствия которых давали себя знать и через годы.

Подвел меня и самиздат. Бесы засыпали меня чистой писчей бумагой, листами копирки, лентами для пишущей машинки.

– Вот! Все это было ею похищено на работе. У родного государства краля, воровка, хапуга, а ведь правозащитницей звалась!

Мне стало стыдно – кража есть кража... Но я же не виновата, что в магазинах с распространением самиздата копирку вообще перестали продавать, а продавцов канцелярских товаров КГБ уполномочил следить, кто часто покупал пачки бумаги для пишущих машинок. И следили некоторые, и доносили, и сколько народу на этом попало! Но Дед с Ангелом не дали мне ни слова сказать в свою защиту. Из кармана рясы Дед вытащил тонкую рукопись и показал ее бесам:

– Вот это было напечатано на украденной бумаге и под украденную копирку. Хотите поближе познакомиться с этим текстом? – и он двинулся к ним с рукописью в руке. Тонкие сероватые листы вдруг засветились голубым пламенем, и бесы бросились врассыпную:

– Не надо! Не надо! Мы вас не задерживаем, убирайтесь!

Ах, я вспомнила этот текст! Это были письма заключенного епископа из Соловков к его духовным детям. Сколько возни тогда было с выверкой библейских цитат, с написанием слов незнакомого церковного лексикона! Я допечатала текст и с облегчением отдала его верующим в их подпольный журнал «Наша община», даже экземпляра себе не оставила, хотя обычно брала себе последнюю копию. И вот надо же, именно эти странички мне помогли теперь. Вот уж не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

Мы благополучно оторвались от разочарованной черной стаи, потом, почти не задерживаясь, пролетели подряд несколько мытарств, на которых мелкие бесы выкрикивали что-то о зависти, скупости, лихоимстве и о каком-то вовсе мне не известном мшелоимстве. Все это были не мои любимые грехи, как сказал Дед.

Когда я почти успокоилась этими удачами, впереди показалось уже не темное облако, а плотная черная стена с красными сполохами, как будто на нас надвигалась осенняя ночь с грозой. Стало холодно и жутко.

– Что это там впереди? – спросила я в страхе.

– Мытарство гордости. Вот тут нам придется трудно, – озабоченно сказал Хранитель.

Далась им эта гордость, подумалось мне. Но туча шла и шла на нас и становилась все черней. Уже стали различимы злобные хари бесов, все ближе сверкали их волчьи глаза, а грохот стоял такой, будто камни сыпались с высоты на железную крышу.

Мы оказались в плотном коридоре, слепленном из сине-черных слизистых тел, и тут нам навстречу вышел сам Сатана. Он снова был красив и наряден, но теперь красота его носила,

так сказать, демонический характер, и выражение лица не предвещало ничего хорошего, оно стало надменным и зловещим.

– Ну, вот мы и встретились, как я тебе обещал, Анна. Жалкое поповское отродье, не тебе ли я, презрев твое низкое происхождение, протянул руку помощи? Не тебя ли позвал любовно, как потерявшегося ребенка, обещая тебе свое высокое покровительство? Но ты отвергла меня, Князя Земли и воздушной стихии! Теперь я забираю тебя уже не как дочь, а как жалкую рабыню, как приговоренную арестантку, и твой лагерь покажется тебе раем по сравнению с тем, что ожидает тебя в моем ГУЛАГе!

– За что ты собираешься судить ее? – спросил Дед.

– Будто ты не знаешь, святоша! За гордыню, конечно.

– То есть за то самое, за что сам был низвержен с небес?

– Я чту и люблю гордость, но только свою. Гордость людишек, этой мыслящей земной плесени, мне отвратительна не меньше, чем твоему Хозяину, и я доволен, что могу их за это судить и осуждать.

– Если будет суд, то понадобятся свидетели, – сказал Дед.

– Пустые формальности! Но я, чтобы досадить тебе, распятое ничтожество, предъявлю вам такого свидетеля, какого вы не ожидаете. На моем суде свидетельствовать против Анны будет... сама Анна!

Все-таки любил Сатана театральные эффекты. Он взмахнул рукой в красной перчатке: из мрака вышли бесы, неся на головах что-то вроде щита, а на щите этом, подбоченившись, стояла пигалица в юбчонке короче некуда, голенастая и патлатая. Я даже не сразу узнала себя, ведь прошло столько лет! И это смешное создание произносит вдруг моим голосом:

– Я не понимаю, как можно вообще прислушиваться к мнению родителей! Мне уже двенадцать лет, и я сама способна разобраться в том, что хорошо и что плохо. А они – отсталое поколение, мещане и конформисты. У них на уме только работа, семья, бытовые потребности, – о чем с ними вообще можно разговаривать?

Я не удержалась и прыснула от смеха.

– Видишь, Сатана, сегодня она сама смеется над собой тогдашней, – сказал Дед. – Не велик же у тебя запас обвинений, если ты мелочишься и собираешь детские грешки.

– Тогда она смеяться над собой, слава мне, еще не умела, – пробормотал несколько обескураженный моим смехом Сатана. – Однако продолжим. Напоминаю уважаемому защитнику, что по правилам учреждения, которое он здесь представляет, дети ответственны за свои грехи с семи лет⁴. Но поправку я принимаю и перехожу к более поздним временам.

Он вновь взмахнул рукой, и я на возвышении превратилась во взрослую девушку, красивую и одетую не без вкуса. Задумчиво глядя вдаль, она многозначительно и серьезно рассуждала о том, что верит в неограниченность человеческого разума, в правоту самооценки и что нравственным законом для человека должна быть только его личная совесть, а первейшей его потребностью – самоуважение и самовыражение. Еще один взмах руки, – и девица превратилась в зрелую женщину, а речь стала еще убежденней: я доверяю только своим принципам... главное – не утратить чувство собственного достоинства... да, я горжусь принадлежностью к диссидентам, поскольку считаю их совестью России...

Анна на возвышении выросла, не переставая говорить, а поскольку ее речи были мне хорошо знакомы, – я и сейчас готова была подписаться почти под каждым ее словом, – я больше смотрела на нее, чем слушала: все-таки занятно увидеть себя вырастающей из девочки в зрелую женщину за несколько минут.

Наконец Анна на помосте замолчала и застыла, будто кукла, у которой кончился завод.

– У тебя есть что ответить на все это? – тихо спросил меня Ангел Хранитель.

---

⁴ По учению Православной Церкви, христиане участвуют в таинстве исповеди с семи лет.

– А надо отвечать? Он ведь не предъявил пока никаких обвинений в гордыне, как обещал.

– Ты что, ничего не понимаешь? Все эти твои рассуждения, – он кивнул в сторону застывшей на помосте фигуры, – это и есть доказательства твоей гордыни.

Я взглянула на Хранителя, но его лицо было печальным и на меня он не смотрел. Зато Сатана ликовал. Странное дело, неужели они все трое усматривают гордыню в этих взглядах вполне обычного современного интеллигента? Да что такого особенного они услышали?

А пока я недоумевала, темный коридор по обе стороны от нас начал сужаться, и я ощутила, как от этих стен, грубо слепленных из бесовских туловищ, на меня веет лютым холодом. Я начала цепенеть, мои руки, которыми я держалась за Ангела и Деда, от холода сами собой разжались. Потом чья-то грубая лапа вцепилась сзади в мой затылок, и меня поволокло прочь от Хранителя и Деда. Я пыталась позвать их на помощь, но и голос мне не повиновался, и я не смогла издать ни звука.

Как только безжалостная сила оторвала меня от моих защитников, меня тут же со всех сторон облепили темные упругие тела. Они окутали мою голову будто мокрым ватным одеялом, и я уже ничего не могла ни видеть, ни слышать, ни сказать. С ужасом чувствовала я, как холод проникает в мое сознание, замораживает его и оно меркнет по мере того, как облепившая меня пульсирующая масса становится все плотнее и плотнее.

И тут я вспомнила слова Деда: «Не бойся! Молись!» Я попыталась молиться, но не могла вспомнить, как и кому надо молиться. Тогда я изо всех сил напрягла угасающее сознание и попыталась представить себе Казанскую икону Божией Матери, висевшую у нас в московской квартире. Когда-то мой муж купил ее по случаю на киносъемках где-то в провинции и повесил просто так, для интерьера: никто у нас перед этой иконой не молился. Я постаралась вызвать в памяти лик Богоматери и мысленно завопила к ней: «Помоги мне, пожалуйста, Божия Матерь!»

В ту же секунду моя голова освободилась, хотя тело оставалось по-прежнему облепленным бесами. Теперь я смогла повторить свою молитву вслух, сначала сдавленным шепотом, преодолевая страшное напряжение в области горла, языка и губ, а потом громче, выдавливая по слогам: «По-мо-ги...»

Омерзительные холодные твари разжали кольцо своих тел и сползли с меня. Я продолжала твердить свою молитву не переставая. Они отодвинулись, но не удалились, а выжидательно шевелились совсем рядом со мной. Теперь я висела в центре живого цилиндра, слепленного их телами, и его стены готовы были в любое мгновение сжаться и поглотить меня окончательно.

И тогда я решила сделать то, чего не делала ни разу в своей жизни – перекреститься. Сложив пальцы правой руки горсточкой, я хотела поднести их ко лбу, но рука мне не повиновалась. Тогда я поддержала левой рукой правую под локоть и усилиями обеих рук кое-как донесла пальцы до середины лба, а потом опустила их на середину живота. Поднять правую руку к правому плечу было еще тяжело, но перенести ее к левому стало уже не так трудно, – и я это сделала! Мне удалось перекреститься!

Стены цилиндра полыхнули темно-красным и раздвинулись, над моей головой появился серый круг неба. Я задрала голову и, продолжая безостановочно креститься, вопила без передышки: «Божия Матерь, спаси меня, спаси, спаси!..»

Не знаю, сколько я так кричала, боясь умолкнуть хотя бы на миг. Вдруг страшное кольцо начало вращаться вокруг меня, издавая жуткий вой, нарастающий по мере ускорения. Эти звуки не только заглушали мой голос, они проникали в меня и причиняли сильнейшую боль. И все равно я продолжала кричать, совсем не слыша себя, и креститься от страха уже обеими руками. Мне казалось, что прошли часы с тех пор, как я начала кричать свою молитву...

И вдруг откуда-то очень издалека до меня донесся один долгий и чистый звук, всего одна нота, пропетая чьим-то неведомым прекрасным голосом.

Тотчас бесовский вой умолк, а вращающийся цилиндр их тел остановился и начал таять, рассыпаясь на отдельных тварей. Через мгновение чудный голос зазвучал снова, и я с облегчением увидела, что бесы начали удаляться и поодиночке таять в тумане. Затем голос умолк вдали.

Я не успела оглянуться, как рядом со мной оказались Дед и Хранитель.

– Умница моя! – воскликнул Дед, прижимая меня к груди. Его лицо было залито слезами.

– Ты молился за меня, Дед? – спросила я.

– Как мало за кого приходилось молиться. Ты поняла, что твоя гордыня чуть не погубила тебя?

– Не надо ее сейчас мучить, – сказал Хранитель, – спаслась, и ладно.

– Не спаслась, а спасена Божией Матерью, – поправил Дед.

– Велика Ее милость к бедным людям! – воскликнул Ангел и перекрестился. Я внимательно смотрела, как это правильно делается: а вдруг еще пригодится?

– Больше нам не грозят нападения бесов? – с надеждой спросила я. – Есть еще мытарства впереди?

– Достаточно. И ни одна душа их не минует, пока не пройдет все от первого до последнего, – если по пути не будет низринута в ад. Только святые пролетают их насквозь. А мы прошли лишь половину, – сказал Дед. – Нам еще предстоит сражаться с бесами.

Он оказался прав. Не успела я отойти от пережитого ужаса, как на нас снова напали бесы, обвиняя меня в грехах гнева, ярости, злопамятства. Но тут они недобрали на меня криминала, поскольку при жизни я была особа в высшей степени легкомысленная, легко прощала обиды и скоро их забывала, а чувство юмора помогало мне во всех ссорах видеть прежде всего свою собственную вину.

Очень помог мне при этом Ангел Хранитель: он предъявил им целый ворох каких-то чепуховых «добрых дел», вроде полочки, отданной семье скончавшегося сослуживца, или последнего рубля, который я сунула какому-то нищему. Как ни странно, такие мелочи здесь котировались. Помогло мне даже прощение грехов моего благоверного, – не разводиться же мне было! – Ангел назвал это чуть ли не смирением.

Потом мне приказали вспомнить имена людей, обидевших меня, но я думала-думала, а потом махнула рукой – не помню, да и все, и делайте со мной что хотите! Тут-то нас и пропустили.

А вот о том, что ожидало меня на следующем мытарстве, мне страшно вспомнить и по сей день.

– Впереди мытарство убийства, – объявил Ангел.

– Проскочим, – уверила я его, окрыленная минувшими успехами. – Ей-ей, никого в жизни не убивала, не считая мух и комаров.

– Могут и мух занести на твой счет, не шути с этим: случалось и такое, – нахмурился Дед. – За ней и вправду ничего нет? – спросил он Ангела.

– Есть! – коротко ответил Хранитель. Дед укоризненно взглянул на меня и взялся правой рукой за свой крест.

Навстречу нам уже выплывало очередное смрадное облако. Мрачно ухмыляющиеся бесы были обряжены в карикатурные врачебные халаты и окровавленные клеенчатые передники.

– Обвиняется в убийстве сына Александра и двух дочерей, Татьяны и Анастасии! – торжественно произнес главный бес и поднял вверх окровавленные лапы.

– Что за чушь! – завопила я. – У меня никогда не было детей!

Я не стала им объяснять, что в восемнадцать лет я сделала аборт от такого же сопливого любовника и с тех пор больше не могла иметь детей.

– Александра мы тебе сейчас представим, а Татьяна с Анастасией должны были появиться по замыслу твоего Хозяина, но ты распорядилась по-своему.

Бесы в окровавленных халатах вырвали меня из рук Ангела и Деда и поволокли куда-то по туманным коридорам, глумливо приговаривая: «Сейчас сыночка увидишь, любящая мамочка! То-то обрадуешься!»

Мы оказались в большом зале с кафельными стенами и круглым бетонным бассейном посередине. Из него поднимался пар и струился сладковатый тошнотворный запах.

Я не могу и не стану описывать того ужаса, что открылся моим глазам, когда бесы подтащили меня к краю бассейна и заставили туда заглянуть.

Когда я очнулась, я увидела над собой лицо Деда. Хранитель молча стоял рядом.

– Придется еще потерпеть, Аннушка, – шепнул Дед.

Да, это было еще не все.

– Позвольте пригласить вас, мадам, на просмотр вашей несостоявшейся жизни! – глумливо произнес бес и взмахнул окровавленной лапой.

Перед нами возник белый экран, а на нем – красивый старинный дом на Измайловском проспекте в Питере. Когда-то это был Кадетский корпус, в котором учился Лермонтов, а при советском режиме в нем открыли родильный дом с абортарием. Изображение приблизилось, и я увидела молоденькую испуганную женщину, почти девочку, жавшуюся к женщине постарше. Да, помнится, мама провожала меня на аборт. Тогда я взяла себя в руки, решительно поднялась по ступеням и вошла в широко распахнутые двери.

Но в этом фильме все было совсем не так. «Я не стану убивать своего ребенка!» – крикнула девушка, которая была я, и бросилась прочь от страшного особняка. Мама, причитая и плача, бежала за мной: «Ты загубишь свою жизнь! Опомнись, доченька! Чуть-чуть потерпеть – и ты свободна...» – но я упрямо шла прочь.

И вот на экране потекла совсем другая моя жизнь. У меня родился мальчик. Я назвала его Александром. Мой безответственный любовник вдруг обрадовался ему и взялся за ум. Мы поженились, закончили оба педагогический институт и поехали по распределению преподавать в провинциальной школе-интернате. В каком-то тихом городке на берегу большой реки у нас был уютный дом с садом и огородом, с котом и собакой. Мы жили спокойно и счастливо, у нас родились еще две девочки-погодки, Танечка и Настенька. Сын Саша вырос, уверовал в Бога и стал священником, отцом Александром. В этой другой жизни мама жила с нами и нянчила вначале моих детей, а потом и внуков: Саша женился на милой спокойной девушке, у

них появилось четверо детей, два мальчика и две девочки. Постепенно мы все, включая маму, стали верующими под влиянием Сашеньки. Мама была здорова.

Фильм остановился на кадре, где вся семья пьет вечерний чай за большим круглым столом, а за нами на стене висит отрывной календарь и на нем дата: 21 июля 1990 года – день моей смерти в реальной жизни.

– Продолжение не следует! – издевательски объявил бес. Если бы в моей полупрозрачной груди билось живое сердце, оно бы разорвалось от отчаяния и безнадежных сожалений о загубленной жизни, вернее – многих жизней. О Господи, и это у нас называлось «немножко потерпеть и освободиться»!

– Она достаточно наказана, – сказал Хранитель. – Ты видишь ее слезы.

– Ад слезам не верит! – захохотал бес. – Да и плачет она о себе, сама себя жалеет, бедненькую...

– Неправда, – вступился и Дед, – она всю жизнь раскаивалась в содеянном.

– Она – каялась?! Это когда же и в какой церкви?

– Каялась, – подтвердил Ангел. – Смотри, бес! – Хранитель взмахнул рукой, и снова перед нами появился экран. Я узнала детский садик неподалеку от дома, где мы жили с Георгием. На площадке перед ним резвились ребятишки, а за оградой, в тени кустов, стояла я, украдкой наблюдая за ними и тихо плача безнадежными слезами.

Сцена сменилась. Я стояла перед мужем и гневно упрекала его в очередной измене. «Она мне сказала, что ждет от меня ребенка», – сказал Георгий, пряча глаза. Я сникла и опустилась на диван. Помолчав, я сказала ему: «Иди и будь счастлив. Ребенок – это важнее всего»... Экран погас.

Все так и было, Георгий побегал-побегал и прибежал назад. О предполагавшемся ребенке в тот раз мы больше не заговаривали. Я даже не знала, чем у него там кончилось, родился этот ребенок или нет: Георгий категорически отказывался разговаривать со мной на эту тему. Но, напуганная однажды, я потом с ужасом отпускала его в киноэкспедиции: каждый снятый им фильм, – а он работал оператором, – для меня был трагедией: а вдруг он опять заведет роман, и в самом деле родится малыш, – разве я вправе лишать его этого счастья? Ведь для себя я твердо решила: будет ребенок – отпущу.

Немного легче мне стало в эмиграции: в русскоязычной глуши с романами не развернешься, если намерен их скрывать. Но вот стали пускать эмигрантов на родину, и Георгий зачастил в Москву, будто бы восстанавливая и налаживая заново связи в российском кино. Связи-то они связи, да только вот киношные ли...

– Он был осторожен, ее муж! Хотя бывали у него и промашки, – усмехнулся бес. – Ладно! Забирайте вашу недотепу и проваливайте. За этот грех она наказана. Но впереди ее еще кое-что ожидает, – уж там не вывернется!

Мы двинулись дальше. Я продолжала сокрушаться о своей несостоявшейся прекрасной жизни, в которой не было ни лагеря, ни эмиграции, ни моей правозащитной деятельности, но было нечто гораздо более важное и нужное: дети и Церковь. Ни Дед, ни Ангел меня не утешали. Да и чем тут утетишь...

Впереди сгустился туман, а в нем проступила высокая арка, как мне показалось издали, из розового камня, украшенная скульптурами. Над аркой сверкала разноцветными огнями надпись «Добро пожаловать!», а из глубины доносилась какая-то пакостная музыка.

Мы приблизились к арке, и я смутилась: она была составлена из живых мужских и женских тел, занимающихся сексом. Но лица любовников были искажены страданием и болью, рты разевались в беззвучном крике, глаза были выпучены от нестерпимой муки. По стенам арки стекали потоки слез.

– Мытарство блуда, – объявил Дед.

– Вот уж чем не грешна так не грешна! – попыталась я его успокоить. – У меня, конечно, были близкие отношения с мужчинами, но это всегда было искреннее и чистое чувство.

Дед почему-то не обрадовался.

– Вот что, – сказал он, снимая с груди свой крест, – я, пожалуй, останусь по эту сторону ворот и буду молиться о твоём избавлении. Свой крест я буду держать в руке, а ты возмись за конец цепи и постарайся не выпустить ее из рук: я попробую тебя оттуда вытянуть, если Хранитель не сможет тебя отбить у бесов.

– Но цепочка-то короткая! – усомнилась я.

– Будем надеяться, что ты слишком далеко в своей «чистой любви» не заходила, иначе она действительно может оказаться короткой.

Из-под арки вывалилась, приплясывая, компания совершенно голых бесов и бесовок, – до этого мытарства мне еще не приходилось видеть нечисть женского пола. Пожалуй, самки были еще гаже самцов.

– Милости просим, дорогуша, в наше тепленькое местечко! Заходи, не стесняйся! Здесь тебе скучно не станет и мало не покажется!

Мы с Хранителем вошли под арку. Что тут творилось! Грубо размалеванные балаганы, дикая музыка, полыхающие огни вывесок с похабными надписями. Шумная толпа мужчин и женщин попеременно с бесами танцевала, пила, что-то жрала, беспрерывно орала и занималась на виду у всех самым разнузданным сексом. Гнусные пары и группы в свальном грехе вызывали тошноту, но мерзее всего выглядели те, кто занимался любовью с бесами и бесовками.

Ко мне подкатилась жирная бесиха, похожая на жабу с акульей пастью, голая и в сапогах на чудовищной платформе. Она с ходу шлепнула меня по задку перепончатой лапой и радостно завопила:

– Ага, к нам новенькая! Хорошенькая... Ну что, остаешься с нами добровольно или как?

– Или как!

– Что вы имеете к ней? – спросил Жабу мой Дед.

– Я-то? Да ровным счетом ничего! Плевать мне на нее, обслуживу, и до свидания. Она идет как блудница, а у меня специализация – лесбиянки. Но этих крошечек сегодня что-то мало подвалило, а с рядовыми блудницами у нас напряженка, кадров не хватает. Вот меня и бросили на прорыв. Так, мы сейчас скоренько подсчитаем ее мужей, сложим ее с ними и отправим куда следует.

– Нечего тут считать и складывать, – сказала я, осмелев от сходства бесовки с лагерными лесбиянками-коблами, которых я на дух не переносила, но бояться никогда не боялась. – Один у меня был муж!

– Ха! Видали мы таких фальшивок одноразовых! Настоящие-то одномужки мимо нас метеорами пролетают. Сейчас мы твоих мужей подсчитаем, подсчитаем и сложим...

Она веером раскрыла пачку порнографических открыток, на которых была изображена я со своими возлюбленными. Мне захотелось сквозь небо провалиться. Ангел Хранитель мой стоял отвернувшись.

– Вот мой муж! – ткнула я в фотографию, на которой я была снята с Георгием.

– А остальные не твои, что ли?

– Это были романы, увлечения.

– Ага, ты, значит, так это называешь. Но дела это не меняет! Да будет тебе известно, что всякое плотское соединение мужчины и женщины уже есть брак⁵, то есть слияние плоти и души воедино. И притом – навечно. Смотри!

---

⁵ Брак, по учению Православной Церкви, есть соединение мужчины и женщины в любви с целью создания семьи. См. Послание апостола Павла (1 Кор. 6:16): *Или не знаете, что совокупляющийся с блудницей становится одно тело с нею? Ибо сказано: «два будут одна плоть»* (Быт. 2, 24). Разъяснение этих строф читаем у свт. Феофана Затворника Вышенского: «Прилепившись друг к другу, два уже не могут быть двумя, но оба делаются единым» (свт. Иоанн Златоуст). Долженствующий

Жаба сунула мне под нос зеленую ладонь, и я увидела на ней маленькую бело-розовую обнаженную фигурку.

– Узнаешь?

Я пригляделась – фигурка изображала меня в юные годы.

– А теперь взгляни сюда! – На другой ладони Жабы стояла фигурка моего первого возлюбленного. – Теперь вы надумали совокупиться – гоппя! – она свела ладони, и фигурки соединились в акте любви. Это было даже красиво, мы были молоды и полны нежности.

– Теперь, когда они объелись друг другом, они думают, что могут разбежаться и снова стать каждый сам по себе. А не тут-то было! – она развела ладони, но на каждой осталась стоять сросшаяся двойная фигурка.

Я ахнула.

– Красавчика мы пока уберем с глаз долой, пусть до поры погуляет! – она брезгливо стряхнула с одной ладони двойную фигурку. – А теперь второй акт!

На опустевшей ладони появилась фигурка моего второго мужчины, известного тогда молодого поэта. Это была недолгая романтическая связь, он даже посвятил мне несколько стихотворений, которые вошли во все его сборники. Но то, что теперь творилось на бесовской лапе, было противно до невозможности: мое тело, сросшееся с первым мужчиной, занималось любовью со вторым. Потом бесиха снова хлопнула ладонями, и я оказалась сросшейся уже с двумя мужчинами.

– И так каждый раз: сходитесь вы на время, а душой, хотите вы того или нет, страстаетесь навсегда. Эх, раз, еще раз! Еще много-много раз! Ну, вот и до муженька твоего добрались...

Маленькое многоголовое, многорукое и многоногое чудовище с общим туловом ползало по ее ладони, головы что-то вопили одна другой, руки терзали чужие тела, пытаясь оторвать от своего.

– Но... это ведь фигурально, это символически, да? – пролепетала я в ужасе.

– Никакой символики – у нас все без обмана! Но прежде чем ты получишь тот облик, который нагуляла, тебе предстоит аудиенция у нашего Князя. Милости просим, ваше темное высочество, она готова к употреблению!

Жаба раскорячилась в низком поклоне перед подплывшим к нам багровым облаком, окруженным зловеще сверкающими молниями. Облако распахнулось, и оттуда появился улыбающийся Сатана. Он был обнажен, и его темно-серое тело являло картину самой безобразной похоти.

– Ну, иди ко мне, моя маленькая упрямица! Давай сольемся в экстазе и утрем нос обоим твоим святошам.

– Хранитель! – завопила я в ужасе.

– Не трудись, он тебя уже не слышит. Их чистота изволили смыться отсюда, их ангельский носик не выдержал здешнего пряного аромата. Ну, иди к своему любящему папочке!

быть одно со Христом, отторгается от Христа и делается одно с блудницею. По какому закону? По закону первоначального учреждения брака. Но, ведь, и брачный делается одно с женою, почему же не укоряется? Брачные оба прибывают в порядке воли Божией и Христовой, оба Христовы. Блудница же не Христова есть, а служительница сатаны. Сочетающийся с нею, по действию хотя похож на брачных, но по силе противоположен им, и тело свое и себя отторгает он от Христа и через сочетание с блудницею ввергает себя в область противную Ему, сатанинскую. Христианское тело чисто и свято и сродно телу Христову, находясь в таинственном с ним сочетании. Блудная страсть, и тогда как только зарождается и душу увлекает, делает уже тело мрачным и смрадным; когда же блуд совершается, – мрачность делается непроницаемой и смрадность неприступной. Но плотские этого не видят и не ощущают: это видят и ощущают люди духовные и ангелы. Есть много об этом сказаний. Если б снять с блудника грубую оболочку тела и оставить его таким, как он есть по душе, облеченной жизненною силой тела, то увиделась бы непроницаемо мрачная фигура человека, издающая невыносимый смрад. Между тем, это же самое столь мрачное и смрадное было светло и благоуханно светлостью и благоуханием тела Христова, с которым состояло в живом соотношении. Будучи таким, оно было Господне, Им себе усвоялось. Когда начинают склоняться на блуждение, начинают мрачнеть и отторгаться от Господа. Само блуждение совсем отторгает от Него: ибо мрачному и смрадному нельзя уже быть едино с Господом». (Цит. по: *Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Толкования посланий апостола Павла. Первое послание к Коринфянам*. М.: Паломник; Правило веры; Сретенский монастырь, 1998, с. 238–240.)

Я отшатнулась от его протянутых лап и почувствовала, как натянулась в моей руке цепочка Дедова креста.

– Отпусти свою цапку! – зарычал Сатана и шагнул ко мне. Не промедлив ни секунды, я перехватила цепочку левой рукой подальше петли, за которую держалась, и ударила Сатану свободным концом цепи. Вокруг меня взревел целый хор дьявольских голосов, но одновременно цепочку рвануло так, что меня вмиг вытянуло из облака, затянуло под арку и вышвырнуло наружу. Вновь появившийся Хранитель стремительно вылетел за мной, прикрывая меня пылающими крылами от возможных преследователей.

Дед стоял напротив арки, упираясь ногами в пустоту, и тянул из всех сил цепь, сжимая двумя руками сверкающий крест. Как только я оказалась рядом с ним, спасительная цепь превратилась в обыкновенную золоченую цепочку, и Дед тотчас надел ее. Подхватив меня с двух сторон, Дед с Хранителем повлекли меня прочь от поганных ворот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.